

ЧЕТЫРЕ БРАКА И ОДИНЬ РАЗВОДЪ.

Въ Бухарестѣ жиль первостатейный бояринъ — положимъ Помеско. Съ той поры, какъ общественные обычаи тамъ онъмечились и о francaузились, у старика въ домѣ произошло много переворотовъ, которыхъ онъ не могъ осилить, сколько ни спорилъ, ни сердился: противъ вѣтра не надуешься. Если и справедливо, что борода — трава и что ее скосить можно безъ вреда головѣ, то вмѣстѣ съ бородой нерѣдко скашивается много такого, чего бы косить не должно. Изъ опыта извѣстно, что поспѣшная переимчивость чужихъ нравовъ и обычаевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ неминуемое глубокое презрѣніе своего роднаго быта, всегда влечеть за собою растлѣніе нравовъ, или, что одно и то же — безнравственность. Это испытала, въ свое время, и та страна, о

которой мы теперь говоримъ. Торопись учиться, а не торопись перениматъ.

Увлекаемый общимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, старый бояръ отпустилъ сына своего въ Вѣнскій Университетъ; тутъ, конечно, нѣтъ ничего еще дурнаго, напротивъ, казалось бы, что это даже очень—хорошо; но случилось то, что весьма—часто случается при такихъ обстоятельствахъ — сынъ Помеско, Евстатій, воротился какимъ—то межеумкомъ, отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ, путному не научился, а съ пути сбился. Въ то время еще почти никто не ходилъ тамъ во фракѣ, а потому Евстатій и придумалъ себѣ какой—то нарядъ, средній, также межеумокъ, ни сюртукъ, ни чекмень, ни венгерку, — расчесалъ волосы, отбросивъ вовсе чалму и боярскую шапку, и обулся, при полуширокихъ шароварахъ, въ черные сапоги. Всѣ разинули рты.

Пробывъ четыре года за границей и воротившись домой въ этомъ видѣ, Евстатій, какъ всякое новое, или

обновленное лицо, надѣлалъ въ свое мѣсто кругу много шума. Свѣтскій, модный, даже новомодный молодой человѣкъ, передѣланый на этотъ новый ладъ за границей — это находка для дамъ и дѣвицъ, всегда скучающихъ съ земляками, со стариками, даже съ домашнею полутурецкою молодежью — такая новая новинка для нихъ находка.

Молдаванки и волошенки влюблывы, и это не тайна; Аглаица, также изъ хорошаго боярскаго дома, молодая, пригожая, вѣтреная — она даже между землячками своими, волошенками, отличалась этимъ качествомъ, и потому Евстатію не мудрено было вскружить ей голову. Отношения между обоими полами въ княжествахъ, до этого времени, были турецкія, а потомъ стали самыя модныя, европейскія: модныя въ томъ смыслѣ, что все дурное легко перенимается, а хорошее выворачивается наизнанку. Войти и поклониться, сѣсть и стать, и растянуться, и проплясать — все это съ-молоду перенять можно; а душонки за границей не передѣлаешь. Аглаицѣ

казалось, что быть женою *моднаго* и любезнаго Евстатія — это верхъ блаженства, край благополучія; а самое замужество ставила она, по важности и значительности, между катильономъ и мазуркой. Вы видите изъ этого, что Аглаица не отстала отъ общаго потока, отъ стремленія къ европейской образованности, и вмѣсто своей народной *мититики*, которую, въ былое время, плясали матушка и бабушка ея, она утруждала, или услаждала маленькія ножки свои только общеевропейскими танцами. Котильонъ — это было для нея пока еще важнѣйшімъ событиемъ жизни, потому—что тутъ сопрягалась чета почти на цѣлый вечеръ; вальсъ или мазурка были несравненно меньшей важности. И вотъ почему она относила супружество въ средину того и другаго.

Побѣда эта польстила и Евстатію; на все, что его окружало, смотрѣль онъ глазами наслажденія и обладанія, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, а думая и разсчитывая всегда только на одни сутки.

Притомъ, поглядѣвъ на себя въ зеркало и сравнивъ себя съ земляками своими, онъ ставилъ себя выше и превыше всѣхъ ихъ на неизмѣримое разстояніе; а какъ поклонниковъ у Аглаицы было много, даже и до него, то и побѣда эта, оправдывая высокое мнѣніе его о себѣ самомъ, давала ему еще болѣе самоувѣренности и окончательно вскружила голову. При такихъ обоюдныхъ отношеніяхъ довольно—ясно, что изъ Евстатія съ Аглаицой должна была выйти чета, если только родительскіе расчеты этому не противились: и точно, къ добру ли, къ худу ли, но люди не успѣли оглянуться, какъ чета эта была обвѣнчана.

Сахарный и медовый мѣсяцъ мимо — это не въ счетъ. Порывы остыли, мара прошла и недостатокъ нравственной связи, между молодыми супругами, былъ довольно—ощутителенъ, хотя этого въ Бухарестѣ и некому было замѣтить. Миновалъ годъ; Богъ далъ сыночка. Это счастливое обстоятельство, такъ—сказать, вычинило нѣсколько худыя мѣста супружескихъ узъ; такъ—сякъ протянулся еще годъ, и опять

далъ Богъ сына. На этотъ разъ, это была ужъ не новинка, а вторая радость, которая, и по качеству, и по количеству, никогда не равняется первой. Евстатій все еще могъ убѣдить себя, что теперь уже не его дѣло прельщать красавицъ и слыть самому первымъ любезникомъ по Бухаресту; и, чтобы сказать правду, Аглаица была сама въ такомъ же точно положеніи; она не вдругъ могла отвыкнуть отъ своего свѣтскаго значенія и даже не видѣла въ этомъ никакой нужды; покуда сердце ея было, волею судьбы, занято исключительно только Евстатіемъ, потуда она, безъ всякаго насилия, довольствовалась имъ; но когда, велѣніемъ природы, по древнему мнѣнію, нетерпящей пустоты, сердце это потребовало пополненія, то Аглаица, безсознательно вдалась опять въ ту же разсѣянную, свѣтскую жизнь, какую вела до замужства, только еще съ болѣею свободой и чувственностью.

Евстатій, по мѣстному обычаю, былъ вовсе не ревнивъ; рука руку моеть, а онъ былъ не изъ тѣхъ мужей, которые, по

совѣсти, не требуютъ этого очистительнаго омовенія. Холодность и равнодушіе между супругами со дня на день возрастали; упрекъ съ одной стороны вызывалъ десять противныхъ; наконецъ, такъ какъ каждый изъ нихъ шель, не стѣсняясь, своимъ путемъ и у каждого сердце, или чувства, давно уже заняты были вовсе не супругомъ, то не знаю, кто первый изъ нихъ напалъ на умную, при такихъ обстоятельствахъ, мысль, спросить у самого себя откровенно: а желалъ, или желала бы я знать, для чего мы не разойдемся? Отвѣтъ на это, самому себѣ, былъ двоякій: впервыхъ, дѣти; ввторыхъ, да какъ же это сдѣлать? нѣтъ явнаго приличнаго предлога....

Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя жители княжествъ принадлежать къ восточной церкви, но, несмотря на это, разводныя у нихъ даются такъ же легко, какъ у евреевъ. Достаточно обоюднаго желанія супруговъ — и дѣло кончено.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, или въ пятницу — не помню, но только знаю, что это былъ тяжелый день, молодая чета наша

была съ утра другъ другомъ крайнѣ недовольна. Трудно сказать, что именно между ними произошло; это были все такія бездѣлицы, о которыхъ и говорить не стоитъ; но гроза собралась и накопилась, едва-ли не въ одинаковой мѣрѣ, какъ на челѣ прекрасной, бѣлокурой и голубоокой Аглаицы, такъ и на широкомъ, хотя и нѣсколько отлогомъ лбу Евстатія. Онъ былъ отзванъ къ обѣду въ этотъ день, а она расположилась обѣдать дома, собственно потому, что его не будетъ. «Отчего же ты не поѣдешь сегодня къ отцу?» допытывался онъ, хотя ему, поистинѣ, не было никакого повода, ни причины спрашивать обѣ этомъ, ни даже особенно этого желать; и прежде много разъ случалось, что онъ уѣзжалъ къ обѣду, а она оставалась дома, или наоборотъ; но это былъ черный день.... Она обидѣлась этимъ вопросомъ, также неизвѣстно почему и надулась. Онъ всталъ, началъ ходить по комнатѣ и ворчать. Она вышла и сѣла за фортепьяно, давно уже ею покинутое, потому-что дѣвицы учатся играть и пѣть

для жениховъ, а не для мужей. И это перенесь онъ терпѣливо, хотя и бѣсился внутренно, и наконецъ ушелъ къ себѣ. Между тѣмъ, накрыли столъ, маленький, уютненький, для одной только барыни, которая, приказавъ себѣ изготавить только два любимыя блюда, тѣшилась, какъ ребенокъ, тѣмъ, что будетъ обѣдать одна, а послѣ обѣда поѣдетъ гулять и заѣдетъ туда и туда. Кушанье подали; вдругъ дверь растворяется, мужъ входить и молча садится за столъ. Она глядитъ на него въ недоумѣніи, а онъ, назвавъ прислужника осломъ, спрашиваетъ его, отчего хозяину нѣтъ прибора.

— Я не велѣла ставить тебѣ прибора, сказала Аглаица съ сердцемъ. — Что ты пришелъ сюда браниться? Вѣдь ты не обѣдаешь дома?

— Нѣтъ, обѣдаю. Давай приборъ, осель, чего ты глаза пялишь?

— Какъ, обѣдаешь?

— Такъ, обѣдаю.

— Да что же это значить? я не готовила на тебя, я готовила только на себя: тебе тутъ ничего ъсть.

— Я знаю, что ты всегда заботишься только о себѣ; да развѣ еще объ этомъ кривоногомъ, у котораго ядро швыркомъ между колѣнъ прокинуть можно.

— Что тебѣ вздумалось меня этимъ попрекать? какой онъ кривоногой? Посмотри-ка сперва на себя, либо на свою Пульхерицу, такъ это лучше будетъ.

Онъ вскочилъ, вспыхнулъ, но поудержался нѣсколько, хотя и немного, и сказалъ:

— Да если вамъ это не нравится, то мы вѣдь можемъ разойтись?

— Очень—рада, душевно рада! отвѣчала она, точно оть всей души. — Вотъ, Евстатій, первое умное слово, которое я оть тебя слышу!

— Если такъ, сказалъ онъ: — то и я этому радъ. Въ такомъ случаѣ я пойду обѣдать. Прощайте. Надѣюсь, что и вы не передумаете?

— О, будьте спокойны, отвѣчала она, вотъ вамъ рука моя: возвратившись съ обѣда, вы меня уже болѣе здѣсь не застанете.

Онъ вышелъ и поѣхалъ; слуга съ приборомъ остался въ дуракахъ. Аглаица наскоcо пообѣдала и также поѣхала, взявъ дѣтей и нужнѣйшія вещи съ собой. Она объявила отцу о томъ, что случилось и старалась утѣшить его тѣмъ, что это, во всякомъ случаѣ, къ лучшему; что Евстатій человѣкъ грубый, дурной, а у меня—де есть обожатель, прекрасный и премилый человѣкъ, который сейчасъ же готовъ на мнѣ жениться и на котораго Евстатій налагалъ, сказавъ, что у него кривыя ноги.

Дѣло сладилось въ нѣсколько дней; но при этомъ быль подписанъ уговоръ, чтобы дѣти оставались только до пятнадцати лѣтъ у матери; тогда они должны были поступить на попеченіе отца.

Разъѣхались супруги, и хлѣбосольный, модный домъ молодаго Помеско рушился. Поговорили объ этомъ, потолковали, обсудили, положили, что это сдѣлалось

очень—хорошо, очень—дурно, прекрасно, никуда негодно, что такъ быть должно, что никакъ этому быть не слѣдовало и проч. Вслѣдъ затѣмъ заговорили о другомъ: «Молодой Помеско женится.» — «Не—уже—ли?» — «Право.» — «На комъ?» — «На такой—то, на Пульхерицѣ.» — «Вотъ хорошо, не даромъ же развелись!» — «Вѣдь, и Аглаица выходитъ замужъ!» — «Что вы говорите?» — «Право; я вчера слышалъ отъ брата ея.» — «За кого же? За кривоногаго?» — «Да, за него; впрочемъ, онъ молодецъ.» — «Экая прихоть женская, подумаешь! Вотъ не по хорошу миль, а по милу хороши; быль мужъ съ прямыми ногами — такъ негодится; полюбился кривоногій!» — «Ну что ноги? это посторонняя вещь...»

Прошло съ этого времени лѣтъ шесть и Евстатій съ Аглаицей уже много остыли; а когда прошло десять, то и подавно. Они почти не видались, развѣ случайно; но сыновья бывали часто у отца и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ срока, чтобы взять ихъ на свои руки. Отъ нынѣшней жены у

него были дѣти, но все дѣвочки, будто на зло человѣку, который мечталъ о преобразованіи своего отечества посредствомъ воспитанія молодаго поколѣнія въ Вѣнѣ. Какъ-бы то ни было, но мать никакъ не соглашалась отдать ему сыновей, прежде срока, привыкнувъ къ нимъ и полюбивъ ихъ, хотя и у нея также были, кромъ того, дѣти отъ втораго брака.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, со времени развода съ Помеско, Аглаица овдовѣла. Эти двѣнадцать лѣтъ были ей хорошимъ урокомъ, потому-что и кривоногій на дѣлѣ оказался не совсѣмъ такимъ, какимъ она его себѣ воображала. Между-тѣмъ, отецъ ея разорился и обѣднѣль, и съ этой стороны ей нельзя было ожидать подпоры; кривоногій же мужъ былъ съ хорошимъ достаткомъ и она поневолѣ ему покорялась. За то и онъ ее, впрочемъ, съ своей стороны не забыль, завѣщавъ ей, при смерти, порядочное имѣніе и опеку надъ семью дѣтями, не считая двухъ пасынковъ.

Новая жена Евстатія, съ своей стороны, также отказалась мужа своего по заслугамъ. Модница изъ модницъ, мотовка изъ мотовокъ, да еще ко всему тому и упрямая и больная.... Не слишкомъ тужила Аглайца, отпѣвъ и похоронивъ своего кривоногаго; но Евстатій перекрестился, когда и его, наконецъ, судьба избавила отъ дорогой половины. Онъ-то давно-было уже рѣшился на новый разводъ и ублажалъ и упрашивалъ супругу свою всѣми средствами; но, на этотъ разъ, онъ попалъ не на такую сговорчивую особу, какова была Аглайца: вторая жена не хотѣла и слышать о разводѣ, увѣряя, что ей и такъ хорошо жить и что она вдовствователь, отъ живаго мужа, не желаетъ. Евстатій встряхнулся и покатиль провѣтриться за границу и тамъ получилъ утѣшительное извѣстіе, что супруга скончалась.

Воротившись и повидавшись съ сыновьями, онъ сталъ безъ нихъ скучать; а пятеро дѣвочекъ были вдовцу въ тягость и онъ не зналъ куда съ ними дѣваться. Этихъ нельзя было везти въ Вѣну, въ

университетъ, а другихъ средствоъ воспитанія Евстатій не зналъ. Въ беспокойствѣ своеемъ, онъ думалъ все болѣе-и-болѣе о сыновьяхъ, строилъ планы о ихъ будущей судьбѣ и воспитаніи, забывалъ при этомъ о дочеряхъ и не могъ дождаться условнаго срока, до котораго оставалось еще два года.

Аглаица, съ своей стороны, получивъ отъ втораго мужа достатокъ, была, однакожъ, покинута сиротой, съ дѣвятю дѣтьми, безъ совѣтника и наставника, безъ надежнаго помощника для приведенія дѣлъ въ порядокъ и для присмотра за имѣніемъ. Были и тяжбы, въ которыхъ она ровно ничего не понимала, кромѣ-того, что ее мучать или не даютъ покою и безпрерывно требуютъ съ нея денегъ. Промотавшійся отецъ былъ самымъ не надежнымъ совѣтникомъ и помощникомъ ея, а между-тѣмъ не къ кому болѣе было прибегнуть. Можетъ-быть, въ это время уже иногда украдкою заставала ее въ-расплохъ и такая думка, что Евстатій-де, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, человѣкъ дѣловой и

честный; притомъ же онъ теперь уже давно перебѣсился; да ужъ и я теперь не та, что была тринадцать лѣтъ назадъ: мнѣ уже почти тридцать лѣтъ (тридцать—два года, подумала она, такъ тихо, что и сама этого не слышала), и я ужъ не та....

Евстатій заслалъ наконецъ людей къ Аглайцѣ, чтобы убѣдить ее выдать ему до срока сыновей, чего бы ни стоило. Посланцы воротились съ положительнымъ отказомъ. Аглайца плакала, горячилась, жаловалась на судьбу свою, на сиротство, на одиночество, на безпомощность, но съ дѣтьми разстаться не могла.

— Такъ что жъ это будетъ? вскричалъ нетерпѣливо Евстатій: — не все ли равно, должна же она будетъ разстаться съ ними чрезъ два года. Что жъ это такое? тогда ужъ, по—моему, лучше опять соединиться и не дѣлать того, чего и самъ Богъ не велѣлъ дѣлать....

Ходатаи пожали на этотъ разъ плечами, дескать не мы всему этому причиной; но между—тѣмъ пересказали слова Евстатія Аглайцѣ. Она приняла ихъ къ сердцу и

отвѣчала съ рѣшимостью, что была бы счастлива, еслибъ это могло сдѣлаться; что она теперь на себя надѣется, будучи уже не такъ глупа и вѣтрена, какъ была нѣкогда, семнадцатилѣтней дѣвочкой....

Евстатій подумалъ, да и махнулъ рукой. Не знаю, каково было первое свиданіе его послѣ этого съ разводной женой, и, признаюсь, не могу себѣ этого ясно представить; но чрезъ самое короткое время они снова обвѣнчались, надѣлавъ этимъ много шуму въ Бухарестѣ, и свели вмѣстѣ четырнадцать человѣкъ дѣтей. Они любили другъ друга и жили очень—ладно, какъ увѣрялъ, по—крайней—мѣрѣ, весь городъ. Имѣніе Аглайцы приведено было въ порядокъ, а старшіе сыновья отправлены въ Вѣну. Въ новомъ положеніи своеемъ, при мужѣ и двѣнадцати дѣтяхъ, Аглайца, повидимому, разсталась съ двумя старшими сыновьями довольно—спокойно. Онъ же, мужъ, утѣшался и тѣмъ, что у него теперь подростало еще четыре пасынка, которыхъ также въ свое время повезетъ въ Вѣну.
